

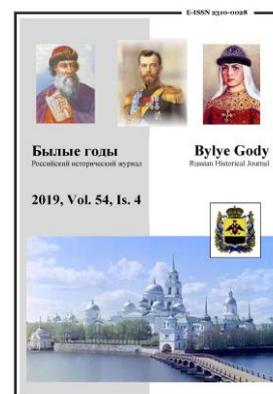
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1780-1788. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1780
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Deviant Behavior among the Peasants of the Russian Empire in the Post-reform Period

Zoya A. Medvedeva ^a, Olga E. Vaskina ^{a,*}, Elena A. Panasenko ^a

^a Kemerovo State University, Russian Federation

Abstract

The release of many people and the facilitation of population migration got certain social groups out of the state and peasant community's hand. It led to the emergence and increasing number of different behaviour deviations. The formation of a personality, emancipation, and disintegration of traditional community ethical norms, as well as society segmentation, and displacement of religious beliefs provoked behaviour deviations.

The article deals with the forms of deviant behaviour. The interest in the deviant behaviour among the peasants at the turn of XIXth – XXth centuries is caused by the fact that peasant population prevailed in the Russian Empire, and peasants' values rendered impact on the outlook of the society as a whole.

The analysis of people's traditional values breakdown allows finding the causes of the emergence and spread of behaviour deviations. The authors studied a large number of archival materials and analysed the main types of deviations as a whole.

The breakdown of the state system, a significant shift in life routine, and the emergence of new social links contributed to the growth of behaviour deviations in the XIXth – XXIth centuries. The loss of familiar values adversely affected the psyche of many people. Disintegration of traditional ties, family deformation and unlawful acts became common.

Keywords: peasantry, crime, deviant behaviour, police, criminal gangs, homicide, traditional ethics.

1. Введение

Наиболее полное представление об истории российского общества можно получить, изучая процессы, происходящие в стране на рубеже XIX–XX вв., приведшие к существенной трансформации социума и нашедшие отражение в характере действий и изменении ментальности населения.

Отмена крепостного права, урбанизация, развитие индустрии, распространение отходничества освободили большое количество людей, облегчили миграцию населения, вывели отдельные социальные группы из-под тотального контроля крестьянской общины и государства, что обусловило появление и увеличение числа различного рода девиаций. Процесс становления индивидуальной личности, ее эмансипация, распад традиционных этических норм общины, сегментация общества, вытеснение религиозных убеждений провоцировали отклонения от традиционной этики.

Обращение к проявлениям девиантного поведения в крестьянской среде на рубеже XIX–XX вв. вызвано тем, что крестьянское население преобладало в Российской империи, его ценностные ориентации оказывали воздействие на мировоззрение общества в целом (Медведева, Васкина, 2016: 54).

Актуальность темы обусловлена тем, что, с нашей точки зрения, именно единство народа, традиционные ценности обеспечивают стабильность, устойчивость и развитие страны. Представление о должном поведении в обществе способствует успешному функционированию всех его структур в целом. Напротив, отклонение от нормы, т.е. девиация, приводит к распаду социальных связей,

* Corresponding author

E-mail addresses: vaskina81@yandex.ru (O.E. Vaskina), zoy-medvedeva@yandex.ru (Z.A. Medvedeva), spl-kemtip@yandex.ru (E.A. Panasenko)

аномии, дестабилизации, потрясению основ государственного устройства. Анализ кризисных явлений на рубеже XIX–XX вв. позволит разобраться в современной ситуации и учесть исторический опыт при поиске верных политических решений, так как современная ситуация отчасти напоминает кризисное состояние, наступившее после реформ 1861 г.

Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть проблему отклоняющегося поведения во второй половине XIX – начале XX вв., проследив изменения традиционного крестьянского менталитета в пореформенный период. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить наиболее распространенные в крестьянской среде виды девиаций;
2. Установить взаимосвязи и взаимообусловленность различных видов девиантного поведения;
3. Выявить изменения в сознании крестьян в указанный период.

Проявлений девиантного поведения множество, однако мы в своей работе сосредоточим внимание на его наиболее часто встречающихся формах: кражах, случаях самогонварения, самосудах, прелюбодеяниях, убийствах.

2. Материалы и методы

В исследовании использован ряд взаимодополняющих методов и направлений, включающих в себя:

– сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить трансформацию общества и изменение ментальности российского населения, учесть исторический опыт при изучении современной ситуации в стране, а также выявить виды девиантного поведения и изучить мотивы девиаций в конкретных социально-исторических условиях;

– нарративный метод, отражающий преломление исторических событий в сознании крестьянского общества на рубеже XIX–XX вв., выявляет разложение крестьянской морали и возникновение новой модели поведения, не соответствующей принципам традиционной нравственности.

Микроисторические изыскания проведены на основе анализов архивных документов Кузнецкого и Мариинского уездов Томской губернии, находящихся в Государственном архиве Кемеровской области. Большая их часть достаточно полно отражает наиболее часто встречающиеся виды девиаций и картину преступлений в целом, поэтому историю повседневной жизни российского крестьянства, его ценностных ориентаций, установок и поведения мы рассматривали на этой основе.

3. Обсуждение

К исследованиям правонарушений неоднократно обращались историки, культурологи, криминологи. Так, Я. Берман, Н.И. Григорьев, С. Пывцов, В.В. Машинцев акцентировали свое внимание на взаимовлиянии алкоголизма и преступности (Миненко, 1989). Другие исследователи (например, А.П. Мельников, С.Г. Куликова, Н.Л. Пушкарева, О.А. Хасбулатова, И. Юкина) изучали гендерные аспекты правонарушений (Куликова, 2011; Сидорова, 2011; Пулькин, 2009). Глубокий анализ проблемы преступности в целом в XIX – начале XX вв. проводят в своих работах А.Н. Трайнин, Б.Н. Миронов и В.Б. Безгин. Отдельные виды преступлений анализировались А.П. Шекшеевым, В.В. Кулачковым, С.С. Крюковой и др. (Трайнин, 1909; Миронов, 1998; Миронов, 2003; Безгин, 2012; Безгин, 2015; Шекшеев, 2015; Шекшеев, 2016; Кулачков, 2019; Крюкова, 2013).

В литературе отмечалось, что в большинстве районов страны кража была, пожалуй, самой распространенной формой девиации. Убийство, напротив, встречалось крайне редко (по свидетельству П.С. Ефименко, в Архангельской области количество краж доходило до 26 % от всего объема преступлений, против 0,7 % – насильственного лишения жизни, зачастую происходившего во время драк после попок) (Ефименко, 2009: 212–213). На рубеже XIX–XX вв., особенно в крупных городах, ситуация меняется: растет число особо тяжких преступлений, при этом отмечается сокращение преступлений коллективного характера и увеличение индивидуальных правонарушений. Все это свидетельствует о разрушении традиционного мировоззрения и постепенном отходе от привычного образа жизни (Медведева, Васькина, 2016: 54).

4. Результаты

В Сибири так же, как и в остальных областях Российской империи, наиболее распространенными являлись хищения личного имущества. Так, по материалам ГАКО в указанный период встречаются следующие случаи краж: в апреле 1884 года кража со взломом произошла в селе Тисульское. У крестьянина Егора Горелина и вдовы Александры Барковой похищено «разных вещей» на сумму 11 руб. 50 коп. у Горелина и 22 руб. 10 коп. у вдовы. Вину за данное правонарушение возложили на беглого арестанта Степана Седова, который впоследствии был задержан (ГАКО. Ф. Д-41. Оп. 1. Д. 2. Л. 35).

В 1888 году сразу несколько аналогичных преступлений было зафиксировано в следственной документации. В мае 1888 года вышло постановление о заключении под стражу крестьянина деревни Теплая Речка Мариинского округа, который обвинялся в краже ящика табака с воза. 13 мая 1888 года

вышло постановление о заключении под стражу нарымского мещанина Семена Алексеева Чембарова, обвиняемого в краже товаров с воза крестьянина Ефима Данилова. 11 июня заведено дело № 38 о краже чая с воза у сына польского переселенца Казимира Гельвидиса (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5).

В 1900 году в деревне Ягуново мещанином Садыком Шелехановым (впоследствии установлено настоящее имя – крестьянин из ссыльных Яббор Шерафетдинов Абдулов, 36 лет) была совершена кража у разных крестьян. В числе украденного значилось следующее: сбруя для лошади, различные платья, рубахи, шали, скатерти, ботинки и проч. Обвиняемый подвергнут заключению на 8 месяцев (ГАКО. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 6. Л. 43).

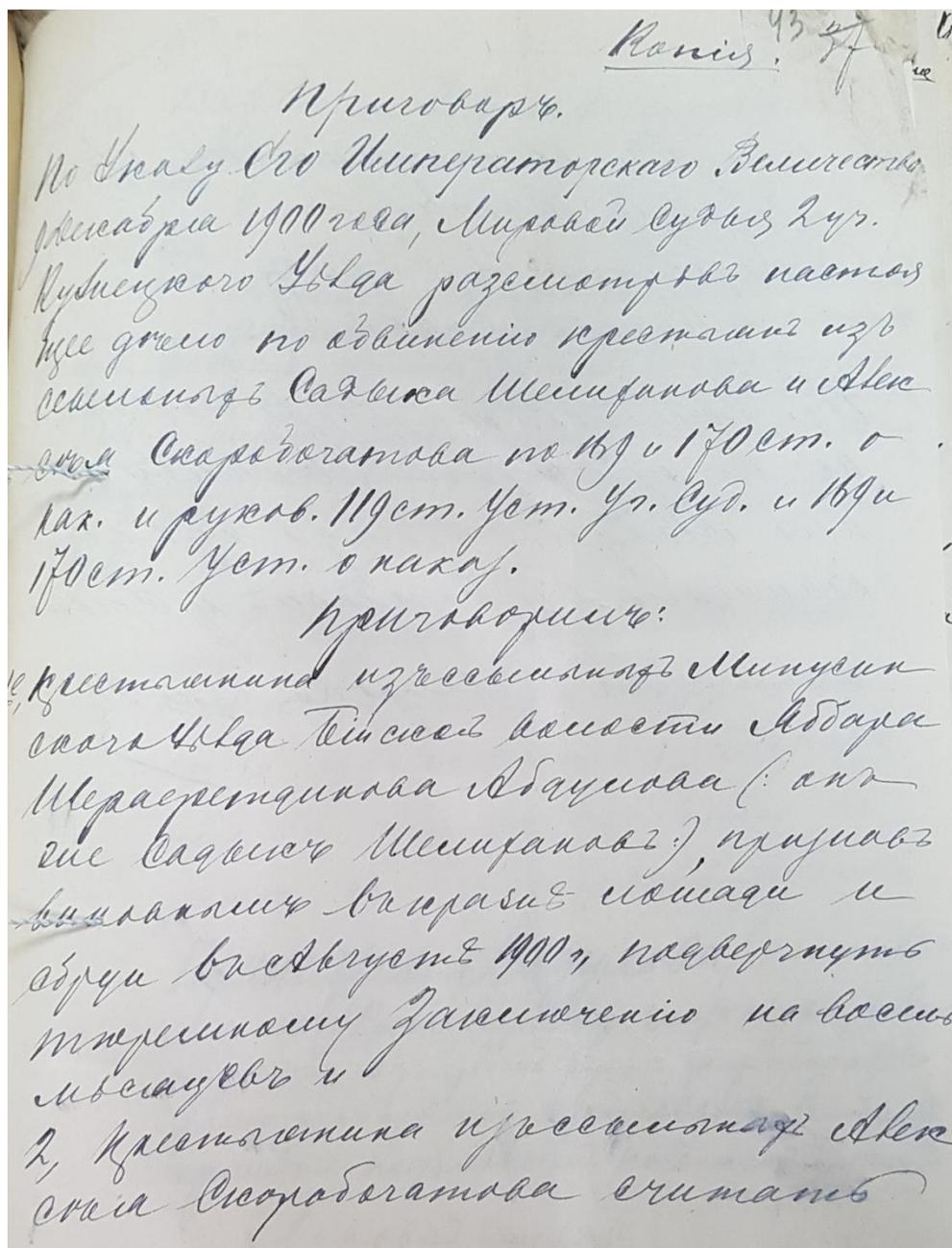

Рис. 1. Постановление мирового судьи 2 уч. Кузнецкого уезда от 12.10.1900. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 6. Л. 43

Следует отметить, что крестьяне более греховной считали кражу, совершенную «с пожара». Во-первых, посягать на имущество погорельцев мог только черствый, бездушный, безнравственный человек, которого следовало наказывать весьма строго. Во-вторых, существовала опасность «погореть самому» (Крюкова, 2013: 199), следовательно, разорить собственное хозяйство и оставить без средств к существованию свою большую семью.

Чрезвычайно негативно крестьянский мир оценивал и воровство «в пути». Данный феномен, вероятно, объяснялся тем, что путешествуя оказывался не защищенным родными стенами и общиной, а значит, являлся более уязвимым.

К воровству казенного и личного имущества относились по-разному: преступления против личной собственности расценивались как более тяжкие, а кражу казенного имущества воспринимали более лояльно, не считая ее серьезным правонарушением, а оценивали как «лихость», «ухарство», «молодечество». Чтобы повезло в столь рискованном предприятии, в некоторых общинах в ночь перед Благовещением совершали «заворовывания»: если дело заканчивалось благополучно, это сулило успешные кражи в течение всего года. Впрочем, украденное в этот день впоследствии возвращалось хозяину.

Стоит отметить, что в крестьянской среде понятия «грех» и «преступление» практически не отличаются. Мелкие правонарушения называли «грешками» и относились к ним снисходительно, но конокрадство, убийство, поджог вызывали резкое отторжение (Медведева, Васькина, 2016: 55).

Следствие таких убеждений не все противоправные деяния доходили до суда, за более «легкие» проступки крестьяне предпочитали виновных наказывать самостоятельно, всем миром, без привлечения властей. Наказываемого, в частности, могли заставить совершить «напой», то есть угостить пострадавших и представителей общины выпивкой, что являлось свидетельством примирения сторон. Виновник тоже принимал участие в застолье. Подобный случай произошел с крестьянином Степаном Николаевым Пичугиным, который явился в дом сельского старосты Сарина, где последний производил сбор податей совместно с волостным заседателем Бедаревым. Крестьянин затеял скандал и «произносил неприличные слова». Его приказали связать и отправить под караул. После окончания сбора податей староста предложил задержанному помириться и сходить «под надзором» в питейное заведение за водкой. Обидчик принес две бутылки водки и угостил присутствующих. Они водку выпили, а его не простили, решив, что если завтра он принесет «на похмелье», то можно будет простить его. Но Пичугин, явившись на утро, «сильно шумел и махал своею шапкою, будучи выпивши, нанося им оскорбления неприличными матерными словами» (ГАКО. Ф. Д-28. Оп. 1. Д. 7).

Случалось, что у похитителя изымали часть имущества, продавали его, а на вырученные средства покупали алкоголь. Это называлось «обдиранием».

Следующей часто встречающейся формой девиации являлось самогонование. Стоит заметить, что к этому побуждала крестьян экономическая целесообразность данного деяния. Самогон расценивался как средство обмена, своего рода «жидкая валюта»: каждый пуд хлеба при перегонке на самогон позволял крестьянину получить 30 рублей прибыли. На эти цели в Енисейской губернии в год «уходило до трех миллионов пудов хлеба» (Шекшеев, 2016: 120). Стоит заметить, что и в нулевые годы в отечественных деревнях самогонование для некоторых семей становилось прибыльным «бизнесом» и обеспечивало стабильный доход.

В деревнях потребляли собственноручно сваренный продукт, его себестоимость, разумеется, была значительно ниже «казенки». Деревенская самогонка доезжала и до города, даже появилась новая профессия – «спиртоносы», которые продавали горячительный напиток в рудничных поселках и городах. Власти пытались принимать меры, но результатов они не давали.

В 1903 году зафиксирован случай привлечения супружеской пары Якова Иванова Минкина и Евдокии Гавриловой Минкиной за устройство приспособления для «тайной выкурки вина» и производства при помощи этого приспособления самой выкурки вина и спирта, а также неуплаты акцизных сборов на общую сумму 1076 руб. 45 коп. Органы правопорядка, учитывая, что деяние совершено в первый раз, требовали для них финансового наказания в виде штрафа, рассчитываемого от стоимости проданной продукции (ГАКО. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 11. Л. 12).

С начала 20-х гг. XX в. распитие «живительной влаги» было столь повсеместно распространено, что в этот процесс с удовольствием включались и те, кто должен был бороться с «зеленым змием», в том числе и правоохранительные органы. Примером подобного может являться случай с председателем Корниловского сельсовета, который на Рождество 1925 г. в пьяном виде обрядился в женскую одежду и разгуливал по селу. Не менее ярким событием были действия секретаря Тухтетского райкома партии (Ачинский округ), который, будучи пьяным, окружил себя неотягощенными высокими моральными принципами барышнями, затем устроил с парнями кулачный бой, а гуляния завершил в избе-читальне, распивая горячительное со сторожихами.

Еще более фееричным стало поведение пьяных агентов уголовного розыска и милиционеров, которые в январе 1925 г. дебоширили в Канском театре, угрожая арестами публике. Наиболее активные в кулуарах театра домогались приезжей балерины, избив для устрашения ее супруга (Шекшеев, 2016: 130).

Распитие алкоголя способствовало увеличению прочих преступлений, поэтому с ситуациями подобного рода пытались активно бороться. Так, например, в качестве наказания самогонщиков, обвешанных частями самогонного аппарата, водили по селению под барабанный бой для привлечения внимания. Иногда община могла конфисковать часть имущества у наиболее активных распространителей контрафактного алкоголя. В более поздний период замеченных в

злоупотреблении спиртными напитками должностных лиц и партийных работников могли снять с работы и исключить из партии.

Как правило, община или мир, разочаровавшись в официальном правосудии, могли устроить самостоятельную расправу с провинившимися. Иногда решение принимали сельским сходом, не ставя в известность официальные инстанции. В целом правосознание крестьян основывалось на обычаях и традициях предков, а следовательно, сохраняло в значительной мере консервативный характер. Решения схода, являвшиеся проявлением обычного права, придавали наказанию вес в глазах общины и в сознании обвиняемых.

На сходах преступления, совершенные «своими» и «чужими», оценивались и наказывались по-разному: к представителям общины проявлялась большая лояльность, их считали непреднамеренно оступившимися, а значит, при наличии раскаяния давали им шанс вернуться к прежней жизни. А чужаки, покусившиеся на благополучие общины, наказывались намного строже.

Самосуды и самоуправство совершались практически сразу после причиненного вреда, как правило, на волне бурных эмоций, зачастую без объективной и адекватной оценки произошедшего. Нередко зачинщики и активисты самосудов «подбадривали» себя алкоголем.

Самые жесткие самочинные деяния были направлены против тех, кто принимал участие в воровстве (особенно конокрадстве) и поджогах, в связи с тем, что ущерб, причиненный преступлениями, оказывал значительное влияние на экономическую стабильность и благополучие общины.

В 20-х гг. зафиксирован случай задержания 8 лиц цыганской национальности в с. Агинское Канского уезда, которых после пыток приговорили к расстрелу за кражу лошадей. С другой стороны, за убийство С. Иванова, неоднократно домогавшегося солдатской вдовы М. Злобиной, последнюю оправдали в связи с тем, что вышеуказанного Иванова все боялись, а у Злобиной была большая семья, включающая четверых детей и пожилую мать (Шекшеев, Самосуды..., 2010).

Частным случаем самосудов являлось самоуправство, допускавшееся сельскими властями. Примером может послужить дело от 1896 года о побоях, нанесенных крестьянину села Больше-Косульское Михею Дмитриеву Барышову Боготольским волостным заседателем Кудояровым, и бездействии по этому делу старшины Дубасова. Из амбара Никиты Муховикова была украдена пшеничная мука, подозрение пало на крестьянина из ссыльных Емельяна Рагожкина, который являлся работником Михея Барышова. Самого Михея Барышова призвали к ответу, а потом ряд лиц под предводительством волостного заседателя Сидора Никифорова Кудоярова и в присутствии сельского старосты Василия Майорова избили, посадили в каталажку, где продержали 1 месяц. Емельяна Рагожкина также избили. Михай Барышов написал жалобу на самоуправство, ее рассматривал и производил дознание старшина Дубасов. Впоследствии Михай Барышов и на него подал жалобу, что якобы не были допрошены все свидетели. Дело окончилось оправданием Кудоярова и Дубасова (ГАКО. Ф. Д-41. Оп. 1. Д. 5).

Среди других девиаций особое место занимали сексуальные, а именно скотоложество, снохачество, блудодеяние, изнасилование и проч. Подобные отклонения расценивались крестьянами как греховные, но не входили в компетенцию официального правопорядка, если совершались без принуждения и не имели отношения к лицам, не достигшим совершеннолетия (Медведева, Васькина, 2016: 55).

Иногда происходили курьезные случаи. Например, в 1902 году описана история, когда крестьянка обвиняла любовницу своего мужа в наведении порчи, воздействие которой привело к рождению у жены якобы дефектного плода («мертвого уroda»). Впрочем, предъявленный экспертам «труп» впоследствии оказался трупом кота (Куликова, 2011: 108).

С особой цепетильностью относились к фактам изнасилования. Во-первых, это порочило не только честь женщины, но и ее семьи в целом. Во-вторых, вносило разлад в мир крестьянской общины. В-третьих, женщины и так являлись наиболее уязвимыми и беспомощными перед лицом любого, кто покушался на их жизнь, честь и достоинство.

Насильственные сексуальные действия в основном носили латентный характер и до судов практически не доходили. Их было относительно немного, так как крестьяне резко осуждали насильников. Источники указывают, что число насильственных действий сексуального характера в пореформенный период постоянно возрастало (Миронов, 2003: 90). В начале XX века все чаще стали встречаться групповые изнасилования. Подобную тенденцию можно объяснить глубокими потрясениями основ крестьянской жизни, а также передачей функции контроля над поведением членов сообщества из рук семьи и общины в целом в ведение официальных систем. Резкое обострение криминогенной ситуации в России, вероятно, объяснялось тем, что социальные реформы повлекли за собой изменения в системе управления и оказали влияние на эффективность работы правоохранительных органов.

Пострадавшие редко заявляли о причиненном им вреде не только потому, что боялись осуждений, но их останавливал тот факт, что подобные обращения требовали официального медицинского освидетельствования. Тем не менее по жалобе крестьянки Сидильниковой 30 ноября

земский заседатель первого участка Мариинского округа начал производство следствия по делу № 16 о покушении на изнасилование (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 179).

«Испорченной» девушке выражали сочувствие, а насильника опасались и сторонились, при этом даже зажиточность не могла помочь ему вернуть репутацию и создать в дальнейшем нормальную семью (Безгин, 2015: 27).

Изнасилование носило «замаскированный» характер в том случае, если оно совершалось близким родственником (особенно свекром или деверем). В марте 1888 года в Мариинском округе было заведено дело об обвинении Максима Сходочкина в насильственном склонении на прелюбодеянную связь с ним снохи своей Марфы. А в ноябре открыто следствие по делу о кровосмешении бывшего священника Митропольского с дочерью (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 166). В 1898 году в Калужской губернии глава семьи женил и отправил пасынка на заработки для того, чтобы беспрепятственно наслаждаться обществом его жены. Это стало известно общине, которая заставила потерпевшую подать жалобу, в результате виновный был наказан тремя годами тюрьмы (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 109. Л. 4).

Стоит заметить, что число обращений в инстанции по подобным делам в пореформенный период постоянно росло. Вероятно, это было вызвано разрушением патриархальных стереотипов поведения и стремлением женщины, осознавшей свое право на защиту, получить ее. Другой формой наказания за сексуальные девиации, с точки зрения крестьян, был либо самосуд, либо материальное возмещение в виде штрафа, который рассматривался как знак примирения. Покушение на изнасилование предполагало лишь штрафные санкции.

Все виды девиаций связаны между собой. Можно сказать, что одна форма отклонений от нормы порождает другую. Например, убийство зачастую совершается в состоянии алкогольного угара, в процессе линчевания жертвы при самосуде, в драке и т.д.

Убийства в крестьянской среде не были широко распространены. Однако достаточно часто встречалось детоубийство. Община в целом с пониманием относилась к психическому состоянию женщины, которая решалась на данный шаг. Наказание зачастую было менее строгим и в ряде случаев ограничивалось церковным порицанием, хотя, безусловно, убийц, вольных или невольных, осуждали.

Женщины решались на столь тяжкое преступление, будучи отягощенными семейной тиранией и грубым, бездушным, жестоким отношением супруга. Именно в состоянии отчаяния совершали убийство ненавистного мучителя. Заранее продумывалось, например, отравление, доказать которое было достаточно трудно, тем не менее известен случай, когда Рязанский окружной суд столкнулся с дилеммой: медицинское освидетельствование показало наличие у умершего в организме яда, супруга же заявляла, что он принимал неизвестное лекарство с целью излечения желудка (Крюкова, 2013: 186-187).

Имелись и иные варианты попыток умерить постылого мужа, не несущие прямого вреда его здоровью. Например, можно было заказать молебен или поставить свечу за упокой.

Убийство женщин мужчинами было вызвано не злобой и неприязнью, а тем, что «баба – не человек», бить ее не только можно, но и нужно, для того, чтобы «поучить». Зачастую побои, нанесенные мужем, оканчивались смертью женщины. Но это происходило достаточно часто, являлось своего рода обыденностью, и обращение в суд заканчивалось оправдательным приговором для мужей.

В Государственном архиве Кемеровской области упомянуто дело о смерти Авдотьи Лыбиной от побоев, нанесенных ей мужем, Данилом Лыбиным (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5).

Убийства могли случаться и не в семейном кругу, и они не всегда являлись преднамеренными. Описан случай, когда в селе Валерьяновское от побоев, нанесенных старостой Чернавиным крестьянину Горячеву, последний скончался. Убийца был осужден, однако по «Высочайшему Манифесту о дарованныхъ въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ милостяхъ» от 15 мая 1883 года освобожден (ГАКО. Ф. Д-42. Оп. 1).

В архиве также имеется упоминание об убитом торгующем еврее, крестьянине из ссыльных Якове Осиповиче (фамилия неизвестна) (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 10).

В целом анализ архивных материалов позволяет утверждать, что в крестьянской среде наиболее распространенными являются мужские преступления. Например, в систематическом отчете Кузнецкого окружного суда о числе обвиняемых подсудимых по главным родам преступлений за 1896 год (ведомость Кузнецкого окружного суда для представления Томскому губернатору) указывается, что количество преступлений, совершенных мужчинами значительно больше, чем женщинами (111 случаев против 40, т.е. 74 %) (ГАКО. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 322).

4. Заключение

Нравственный кризис в крестьянской среде и обществе в целом и закономерно последовавший за ним рост девиантного поведения обуславливались реформами 60–70 гг. XIX в. Утрата привычных ориентиров негативно отразилась на психике значительных слоев населения: распад традиционных связей, разложение крестьянской морали, деформация семьи, беззаконие стали обыденными.

Реформы повлекли разделение большой семьи и появление малой. В нуклеарной семье отсутствовал должный контроль за детьми и ощущалась нехватка времени для воспитания. Представляется, что подобные изменения в семейной сфере способствовали распространению девиантного поведения, потому что именно семья прививала нравственные ценности и нормы, воспитывала человека. В конечном итоге возникли новые модели поведения, не соответствующие принципам традиционной морали.

Ни репрессии, ни попытки воздействовать на криминал либеральными средствами ситуацию практически не изменили: общество трансформировалось, серьезно менялся менталитет, нравственность и система ценностей населения. В XIX в. основная причина роста преступлений, как нам видится, – это слом государственной системы, недовольство и волнения масс, существенный сдвиг в привычном образе жизни, возникновение новых типов общественных связей.

Нужно понимать, что переходный период всегда сопровождается девиациями. А для выработки и распространения новой системы ценностей и морали необходимы время и серьезная работа госструктур по внедрению новой идеологии, грамотная, взвешенная, последовательная политика государства в этой области.

Литература

Безгин, 2015 – *Безгин В.Б.* «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2015. № 3 (45). С. 25-43.

Безгин, 2012 – *Безгин В.Б.* Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX веков. Тамбов, 2012. 124 с.

ГАКО – *Государственный архив Кемеровской области.*

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Крюкова, 2013 – *Крюкова С.С.* Крестьянское правосудие в лицах: социокультурная антропология судебного процесса в России второй половины XIX в. // *Русские: этнокультурная идентичность*. Москва, 2013. С. 175-204.

Кулачков, 2019 – *Кулачков В.В.* Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // *История: факты и символы*. 2019. № 1 (18). С. 33-41.

Куликова, 2011 – *Куликова С.Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). Гагарин, 2011. 174 с.

Медведева, Васькина, 2016 – *Медведева З.А., Васькина О.Э.* Преступность в крестьянской среде в конце XIX – начале XX вв. // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 5. С. 54-56.

Миненко, 1989 – *Миненко Н.А.* Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989. 160 с.

Миронов, 1998 – *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX – начале XX веков // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 24-42.

Миронов, 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Том 2. Санкт-Петербург, 2003. 548 с.

Ефименко, 2009 – *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. Москва, 2009. 271 с.

Пулькин, 2009 – *Пулькин М.В.* Девиантность и культурная норма: проблемы соотношений (по материалам Олонецкой губернии) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 7-й Межвузовской научной конференции. Петрозаводск, 2009. С. 16-19.

Сидорова, 2011 – *Сидорова В.С.* Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. № 1. С. 39-47.

Трайнин, 1909 – *Трайнин А.Н.* Преступность города и деревни в России // *Русская мысль*. 1909. № 7. С. 17-38.

Шекшеев, 2016 – *Шекшеев А.П.* Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.) (часть 1) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2016. № 3 (20). С. 119-134.

Шекшеев, 2010 – *Шекшеев А.П.* Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://podelise.ru/docs/59610/index-5289.html> (дата обращения: 08.10.2019).

Шекшеев, 2015 – *Шекшеев А.П.* Уголовная стихия на Енисее // *Известия лаборатории древних технологий*. 2015. № 3 (16). С. 90-107.

References

Bezgin, 2015 – *Bezgin V.B.* (2015). «Protiv voli ee i soglasiya»: iznasilovanie i rastlenie v krest'yanskoi srede i ikh ugovnoe presledovanie (konets XIX – nachalo XX vekov). [‘Against her will and consent’: rapes and corruption among peasants and their criminal prosecution (the end of XIXth – beginning of XXth centuries)]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Nr 3 (45). pp. 25-43. [in Russian]

Bezgin, 2012 – Bezgin V.B. (2012). Pravovye obychai i pravosudie russkikh krest'yan vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Legal customs and justice of Russian peasants of the second half of XIXth – beginning of XXth century]. Tambov, 124 p. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State archive of the Kemerovo region]. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]

Kryukova, 2013 – Kryukova S.S. (2013). Krest'yanskoe pravosudie v litsakh: sotsiokul'turnaya antropologiya sudebnogo protsessa v Rossii vtoroi poloviny XIX v. [Peasant justice in persons: socio-cultural anthropology of the judicial process in Russia of the second half of the XIXth century]. *Russkie: ehtnokul'turnaya identichnost'*. M., pp. 175-204. [in Russian]

Kulachkov, 2019 – Kulachkov V.V. (2019). Krest'yanskaya prestupnost' v 1920-e gg. (na materialakh Bryanskoi i Gomel'skoi gubernii) [Peasant crime in the 1920s. (on materials of Bryansk and Gomel guberniyas)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. Nr 1 (18). pp. 33-41. [in Russian]

Kulikova, 2011 – Kulikova S.G. (2011). Zhenskaya prestupnost' kak sotsial'nyi faktor rossiiskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Female crime as a social factor of Russian modernization (the 2nd half of XIXth – beginning of XXth centuries)]. Gagarin. 174 p. [in Russian]

Medvedeva, Vaskina, 2016 – Medvedeva Z.A., Vaskina O.E. (2016). Prestupnost' v krest'yanskoi srede v kontse XIX – nachale XX v. [Crime among peasants at the end of XIXth – beginning of XXth century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. Nr 5, pp. 54-56. [in Russian]

Minenko, 1989 – Minenko N.A. (1989). Zhivaya starina: Budni i prazdniki sibirskoi derevni v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Living old times: weekdays and holidays of Siberian village in XVIIIth – 1st half of XIXth century]. Novosibirsk, 160 p. [in Russian]

Mironov, 1998 – Mironov B.N. (1998). Prestupnost' v Rossii v XIX–nachale XX veka [Crime in Russia in the XIXth – beginning of XXth century]. *Russian history*. Nr 1, pp. 24-42. [in Russian]

Mironov, 2003 – Mironov B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia of the Empire period (XVIIIth – beginning of XXth century)]. Tom 2. Sankt-Peterburg, 548 p. [in Russian]

Efimenko, 2009 – Efimenko P.S. (2009). Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoi gubernii [Folk legal customs of peasants of the Arkhangel'sk guberniya]. M., 271 p. [in Russian]

Pulkin, 2009 – Pulkin M.V. (2009). Deviantnost' i kul'turnaya norma: problemy sootnosheniya (po materialam Olonetskoi gubernii) [Deviant activities and cultural norm: issues of relations (based on the materials of Olonets guberniya)]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropeiskogo Severa: Materialy 7-i Mezhdvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Petrozavodsk, pp. 16-19. [in Russian]

Sidorova, 2011 – Sidorova V.S. (2011). Krest'yanskaya sem'ya i bytovaya prestupnost' v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Peasant family and domestic crime in Russia in the 2nd half of the XIX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. Nr 1, pp. 39-47. [in Russian]

Trainin, 1909 – Trainin A.N. (1909). Prestupnost' goroda i derevni v Rossii [Crime of the city and village in Russia]. *Russkaya mysl'*. Nr 7, pp. 17-38. [in Russian]

Sheksheev, 2016 – Sheksheev A. P. (2016). Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v eniseiskoi derevne (1917–1930 gg.) (chast' 1) [Bootlegging, alcohol consumption and its control in the Yenisei village (1917–1930) (part 1)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. Nr 3 (20), pp. 119-134. [in Russian]

Sheksheev, 2010 – Sheksheev A.P. (2010). Samosudy v eniseiskoi derevne (1917–1920-e gg.) [Mob law in the Yenisei village (1917–1920's)]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://podelise.ru/docs/59610/index-5289.html> (data obrashcheniya: 08.10.2019). [in Russian]

Sheksheev, 2015 – Sheksheev A.P. (2015). Ugolovnyaya stikhiya na Enisee [Criminal elements on the Yenisei]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. Nr 3 (16), pp. 90-107. [in Russian]

Проявления девиантного поведения в крестьянской среде Российской империи в пореформенный период

Зоя Анатольевна Медведева ^a, Ольга Эдуардовна Васькина ^{a, *}, Елена Аркадьевна Панасенко ^a

^a Кемеровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Освобождение большого количества людей, облегчение миграции населения вывели отдельные социальные группы из-под тотального контроля крестьянской общины и государства, обусловили появление и увеличение числа различного рода девиаций. Процесс

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vaskina81@yandex.ru (О.Э. Васькина), zoy-medvedeva@yandex.ru (З.А. Медведева), spl-kemtipp@yandex.ru (Е.А. Панасенко)

становления индивидуальной личности, ее эмансипация, распад традиционных этических норм общины, сегментация общества, вытеснение религиозных убеждений провоцировали отклонения от традиционной этики.

В статье рассматривается вопрос о формах проявления девиантного поведения. Обращение к проявлениям девиантного поведения в крестьянской среде на рубеже XIX–XX вв. вызвано тем, что крестьянское население преобладало в Российской империи, его ценностные ориентации оказывали воздействие на мировоззрение общества в целом.

Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ распада традиционных ценностей народа позволяет найти причины возникновения и распространения различных форм девиаций. Новизна исследования видится в том, что авторы привлекают большое количество архивных материалов, рассматривая основные виды девиаций в комплексе.

Доказано, что как в XIX в., так и в XXI в. росту отклонений в поведении способствовали слом государственной системы, существенный сдвиг в привычном образе жизни и возникновение новых типов общественных связей. Утрата привычных ориентиров негативно отразилась на психике значительных слоев населения: распад традиционных связей, деформация семьи, беззаконие стали обыденными.

Ключевые слова: крестьянство, преступность, девиантное поведение, криминогенность, полиция, преступные группировки, убийство, традиционная мораль.